

Что понимается под «возвращением домой» или о неисповедимости причин человеческого существования и размножения

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»)

www.literatur-viktor-prieb.de)

Это случилось в один темный и морозный вечер. Мать со всеми детьми ютилась во вросшей почти наполовину в землю хате. Они все были дома. Мать варила какую-то бурду на огне в печи, изголодавшиеся дети жадно ждали еды.

Прежде чем Мать с детьми была угнана сюда, она также уничтожила все компрометирующие Семью свидетельства Третьего германского рейха. Поэтому в советских регистрационных учреждениях у нее были совершенно развязаны руки, и она записала сыновей под новыми, по ее мнению более подходящими новой ситуации именами.

Меньший, носивший имя последнего немецкого кайзера сын получил наипростейшее русское. Прежде всего, естественно, должно было быть в срочном порядке – ввиду жалких, создавшихся по вине одноименного Фюрера обстоятельств и проигранных надежд – изменено имя старшего сына.

Но он получил не русское имя, а гордое имя своего Отца, так как Мать все-таки не лелеяла больших надежд, когда-либо еще снова увидеть Отца живым. Эти – сами по себе может быть вполне разумные – шаги было, естественно, тяжело преподать детям, поэтому внутри Семьи действовали и звучали дальше, как и прежде, имена кайзеров и фюреров Германских рейхов.

Дверь хаты распахнулась во всю ширь, и нечто чудовищное ввалилось внутрь. Одетый в лагере для отъезда в солдатскую шинель по щиколотки и в островерхий шлем «буденовка» с пятиконечной, но черной звездой во лбу – еще со времен Гражданской войны залежавшаяся, позднее для немецких трудармистов как раз подходящей найденная и потом путем замены красной звезды на черную для них подогнанная униформа – Отец должен был сложиться почти пополам, чтобы просунуть свое тело в маленькую входную дверь. Чтобы потом снова выпрямиться, ему пришлось снять шлем и тем не менее остаться стоять с согнутой под притолокой головой.

– Ну добрый вечер всем вам вместе. Вот и я снова! – приветствовал он свою Семью так буднично и поэтому так успокаивающе, как-будто он только ранним утром ушел на работу и теперь, поздним вечером, вернулся с нее назад. Позади него лежали восемнадцать километров пешего марша от железнодорожной станции, где находилась комендатура, и где он должен был отметить; ад концлагеря; мировая война; богатое приключениями всемирное путешествие и неполные сорок лет своей уничтожающей его жизни, а перед ним еще неполные сорок лет своей ссылки в этом месте и своей оставшейся и пытающейся дальше уничтожить его жизни.

Мать стояла, как пораженная громом. Дочь и старший сын, которые должны были еще более-менее помнить Отца, плотно жались с широко распахнутыми и любопытными глазами к Матери, мучительно припоминая Отца.

Только младший сын, которому исполнилось между тем три с половиной года и который не имел об этом чудовище ни малейшего представления, спрятался за трубой русской печи, на которой он сидел, и весь оставшийся вечер упрямо отказывался покинуть свое убежище. Он только любопытно выглядывал из-за трубы на те самые распрекрасные жестяные коробки, которые Отцу удалось-таки протаскать из войны через все свои приключения и лагеря сюда к нему и которые он теперь вытаскивал из своего мешка и ставил на стол.

В конце вечера и отныне навсегда он должен был еще сверх того предоставить этому чужаку свое место в постели Матери, где он все это время чувствовал себя так уютно и надежно. Кажется он и позднее не смог никогда простить этому чужаку то изгнание из его рая и только они двое – второй сын и Отец – не смогли в состоящей в конечном итоге из пяти детей Семье до самой кончины Отца сблизиться друг с другом – судьба и травма многих военных семей, в которых отцы после многолетней работы на войне и после своих одиссей как военнопленные возвращались к своим в войну рожденным детям, которых они в некоторых случаях никогда прежде и не видели.

Радость этого вечера увенчалась через девять месяцев третьим сыном. Еще через три года увидел – в этот раз, вероятно, по недогляду – четвертый сын свой Свет, ничего не зная о проигранной шесть лет назад войне, а так же о том, что он за нее должен расплачиваться и поэтому родился не на украинском хуторе или где-нибудь в Германии, а в этой сибирской тюрьме. Но зато он перенял теперь уже окончательно место самого младшего члена в Семье и стал Малышом.

Жизнь началась снова или просто шла дальше. К их счастью, они принадлежали к пережившим эту войну и связанный с ней геноцид. Геноцид, который смел с лица земли половину из них. Не шесть миллионов и не двадцать миллионов. Даже не один совсем полный миллион. Всего лишь только половину этого специфического немецкого народа.

Может быть поэтому этот геноцид и не заметил никто в мире, в котором еще никогда и ни один народ не был истреблен наполовину. А может быть однако он остается незамеченным и из-за удивительной скромности этого немецкого народа, развившейся в нем в течение всех этих длительных и неизмеримых страданий.

Тысячелетние рейхи исчезают молниеносно и бесследно с лица земли; их фюреры – как большие, так и маленькие – приходят и уходят, пожирая друг друга вместе с неисчислимыми миллионами людей в качестве гарнира; уничтожительные войны кончаются и тут же начинаются вновь, сервированные горячими или холодными, и все проходит, только Человечество – эта состоящая из неисчислимых ячеек, возникшая вопреки всем законам природы, как единственная во всей Вселенной и, наверняка, кратковременная флуктуация, плесень на Земле – остается удивительным образом, вопреки всем этим каннибальским вакханалиям дальше существовать и, не взирая на все это, размножается неудержимо дальше.

Может быть как раз поэтому мировая политика – чтобы это ни означало и кто бы ее не проводил – никак не учитывает ни одной единственной человеческой жизни, ни их многие миллионы.

Как бы там ни было, Семья пережила *Это*. Они относились к выжившим. И это не нуждалось ни в каком признании. И так – в результате всех этих с начала двадцатого столетия случившихся и приведших к мировым катаклизмам нонсенсов – стал некий ссыльный уголок земли у Черта на куличках, в Сибири, до самого конца жизни Отца и Матери их «домом», где еще многие годы под комендантским надзором с ними обходились, как с самыми грязными преступниками.

Несмотря на все это, у Отца в позднейшие годы возникало все сильнее чувство, что он нашел, наконец-то, свою тихую жизненную гавань, тогда как Мать сохраняла ее тоску по Украине и проклинала на вечные времена как всех вместе взятых, так и по одиночке советских и немецких фюреров, которые причинили *такое* ее Семье и устроили ей *такую* судьбу.

*